

Ф. Ф. Зелинский

Идея нравственного оправдания

Из жизни идей

 Оригинал находится здесь: [Старая книга на книжной полке](#)

I

Когда у нас ставили "Орестею" Танеева, либретто которой целиком заимствовано из трилогии того же имени Эскила, наша публика отнеслась довольно-таки холодно к творению великого греческого трагика; нашлись даже наивные люди, порицавшие Родоначальника европейской драмы за "избитость" обработанного им сюжета. Неверная жена боится возвращения с похода своего Царственного мужа; когда же он возвращается, она убивает его с помощью своего нового друга. Сын убитого мстит за его гибель; но проклятия его матери, воплощенные в богинях-мстительницах Эриниях, изгоняют его из родины, и он обретает покой лишь после того, как его оправдывает учрежденный божеством строгий и правый суд. Как все это просто, ясно, здорово, т. е., выражаясь на современном языке, как шаблонно, избито, неинтересно!.. Конечно, от либреттиста нельзя было и требовать, чтобы он в своей скромной переделке сохранил те черты подлинника, которыми более всего дорожит мыслящий читатель, чтобы он сохранил следы усилий гиганта-пахаря, впервые работающего на девственной ниве человеческой мысли. Он сделал, что мог: оставил и в общем, и в частностях развитие Эсхиловой фабулы, прибавил от себя несколько сцен и ради ясности, и ради эффекта – и вышло то, что могло и должно было выйти.

Наша точка зрения, однако, другая. Нас предание об Оресте-матереубийце интересует не как предание и не как сюжет трагедии или оперы, а исключительно как **"носитель" одной из важнейших и величайших нравственных идей – идеи оправдания преступника.** Действительно, что такое нравственное оправдание? Оправдание – это восстановление душевного равновесия, утраченного при совершении греха или преступления, это выздоровление заболевшей души. Подобно идее выздоровления, и идея оправдания – идея вечная и нестареющая; она так же действительна для нас, как действительна небесная Лира, ласкающая нас по ночам тем же тихим, таинственным светом, каким много веков назад она ласкала более восприимчивые глаза современников Перикла. И если читатель при чтении нижеследующих страниц не почувствует, что речь идет о непосредственно близких его сердцу интересах, что перед ним раскрывается книга его собственной души, то пусть он винит лишь неумелость толкователя, не справившегося со своею задачей, не смогшего правильно передать то, что он правильно вычитал и уразумел.

Само собою понятно, что, говоря о происхождении и развитии идеи оправдания, мы должны перенестись в те времена, когда вообще зарождались и развивались нравственные идеи, т. е. в античность; но, быть может, покажется странным, что автор, собираясь проследить происхождение и развитие нравственной идеи, обращается не к философам-моралистам, а к мифологии, что он берет ее не в отвлеченном виде, а в оболочке ее мифа-носителя. Чтобы выяснить это, необходимо сказать несколько слов о том, что такое эта античная, т. е. греческая, мифология и как ее следует понимать.

Греческая "мифология", как ее обыкновенно называют, т. е. повествовательная часть греческой религии, представляет удивительное, единственное в своем роде явление; плохо о ней судят те, которые видят в ней нечто единое, установившееся, недвижимое. В ней все живет, все движется, все растет, расцветает и вянет; от величавых концепций Эскила до изящных арабесок Овидия очень далеко, едва ли не дальше, чем от Овидия до опереточной мифологии Оффенбаха. Был у древних народов красивый обычай,